

ВАСИЛЬ ТКАЧЕВ

ДОРОГА

РАССКАЗ

Домишко деда Макара на краю села. Стоит он на песчаном взгорке, неказист на вид, старый и уставший, как сам хозяин, и первый венец обнялся с землею — целуются. Два окна смотрят на улицу, остальные три — следят, что делается на большом, несколько захламленном дворе, не упустят момента заглянуть и в садок, который, правду говоря, и садком назвать нельзя: в самом закутке огорода склонилась набок голову яблоня — единственное дерево осталось, да и то стоит, будто забытый людьми и Богом — вон через дорогу — телеграфный столб. На Макаровом огороде в войну разорвался снаряд, ударил ночью, а как только начало светать, хозяин повытаскивал из яблони осколки, сложил в кучку и прикопал потом в конце огорода, у самого плетня, а дерево залечил. Сколько лет оно уже умирает, даже цвета не бывает на редких зеленых сучках, можно было давно выкорчевать яблоню, однако Макару жалко: калека, натерпелась, страдалница, пускай живет помалу, пускай держится на земле, пока сама не упадет.

Сразу же за домом начинается кривая и ухабистая дорога. На глаз брать ее тяжело, ведь она ныряет с горки в лошину, карабкается под гору, а потом и вовсе, после сотлевшего от времени мостика, врзается в кустистые деревья, и как она там бежит, как там живет, — Макару не ведомо: давно не выбирается он дальше своего жилья, но говорят люди, будто председатель соседнего колхоза тот участок дороги, что на его территории, довел до ладу: подравнял, положил асфальт. “Вы, борчане, сами о себе заботьтесь”.

ТКАЧЕВ Василий Юрьевич родился в 1948 г. в д. Гута Рогачевского района Гомельской области. Окончил факультет журналистики Львовского высшего военно-политического училища (Украина). Прозаик, драматург, публицист. Автор многих книг. Член Союза писателей Беларуси. Живет в Гомеле.

Вот и получилось, что дорога всего в несколько километров разделена на две — ту, кривую и ухабистую, с глубокими колеями, колдобинами, и новую, где и наши шоферы, думает Макар, отводят душу.

Старик часто — лето ль на дворе, дождливая, холодная осень или снежная зима — приходит к дороге, стоит на обочине, опершись на клюку, вглядывается куда-то, и не знакомый с ним человек может даже подумать, что он кого-то поджидает. Если бы так. Детей у Макара нет — пережил и двух сыновей, и дочь. Михал погиб на войне, Иван, младший, хоть и вернулся с нее конгуженный и без руки, но мог бы еще пожить, только не повезло ему: заболел тяжело, не спасли и врачи. Дочь Груня жила все время на Сахалине, в замужестве там была, там ее и погребли. Она прожила неполные семьдесят лет. И Макар считает, что могла б продержаться на этом свете и дольше, если бы не съехала, куда он даже телят не гонял пасти. Человеку там хорошо и счастливо, где его родное гнездо. В Борках, значит. Дома. А то сколько ж там у него здоровья, а надо, видите ли, еще и на тоску по Макару, по дому, по родственникам тратить, вот и не хватило Груни, чтобы дотянуть хотя б до материних годков — Макариха, веселунья Авгинья, умерла всего несколько лет назад, и старик остался совсем один. Как та яблоня в садочке... Где-то, правда, живут внуки и правнуки, но им до него ли, деда-прадеда?

Люди знают: Макар никого не ждет, это он от нечего делать выходит на дорогу, стоит, пока не занемет тело, а потом тяжело возвращается во двор или сразу — прямым ходом — в избу, сидит на лавке, а то и приляжет на кровати. Но все это ненадолго. Не сидится. Не ложится... И тогда он опять идет на дорогу, опять вглядывается...

Не знали только люди-соседи, что дорога эта связывает старика последней нитью с жизнью. Для него она не просто земля, укатанная колесами грузовиков, с двумя канавами по сторонам, заросшими летом густой травой, а зимой заметенными снегом; со столбиком-указателем, в который малышня, при случае, не прочь покидать камушки — на точность, чтоб им... Жестяная вывеска вся, почитай, испоганена, живого места на ней не осталось, и слово “Борки” сможет прочесть сегодня только человек, который знает, что это Борки.

Подолгу стоит Макар на дороге. Бывает, ему кивнут из машины, поприветствуют. Кто-то приподнимет над головой кепку. Пройдет пешеход — тоже поздоровается, а то и задержит шаг, уважит старика словом-другим. Потеплеет тогда у него на душе. Многих он не узнает сперва, а потом все же спохватится: “Иди ты, а!” Увидит, определит в парне или девушке Макар Петраковых или Марьиных детей. Похожи. Немного от отца, а то и от деда или бабки взяли. Струя родовой крови бьет. Она крепка, эта струя!..

Когда Макар стоит один, никого не видать поблизости, тогда он разговаривает с дорогой, как живой с живым.

— Здравствуй, дорога. Это я, Макар. Узнала? Постарела и ты, постарела. Я же, радость моя, тебя давно помню... И ты меня... Ходил я по тебе и босиком, и в лаптях, и в сапогах кирзовых. Ага. Ну. На войну меня покличкали... при царе еще... давно-о... вот этим местечком шел — ближе к деревьям старался. Их нету сегодня, а тогда были. Высокие. Толстые. Помнишь? Ага. Ну. Назад с войны бежал. Бежа-а-ал. Какая-то сила толкала меня в спину, подгоняла. А в маленьком сундучке подарки нес Авгине своей... и Груне, дочке. Думал, опоздаю, не успею. Гм, чудак я, а правда ж — было... И ты помогала мне, в пятки камушками метила: беги, солдат, беги, заскучала по тебе молодая жена... А потом я и в заработки ходил, на торфяники... Хватило лиха... всего хватило... Пила, пила ты мои слезы, дитятко. Немец напал, чтоб ему всю жизнь штаны наизнанку носить. А у меня же сыны были — богатыри. Жалко было мне их на смертушку посылать, а надо, надо... Кто ж меня, Авгинею, Груньку, всех борчан наших защитит? Провел я своих хлопцев с врагом биться, ты же помнишь, а потом почти каждый день к тебе не терпелось — весточки от них ждал, перехватывал почтальона, не верил ему, когда говорил, что ничего от Михаила и Ваньки нету, сам перетряхивал сумку... Не находил, нет, почтальон не врал.

Всех солдат, что с войны возвращались, я встретил. И сына своего. Вот на этом самом месте, где стою. Здесь встретил. Ага. Ну. Ваню. А Михайла — нет. И сейчас вот не идет. Столько времени прошло, а его нету... Что-то не идет. Не жди, говоришь? Нет, дитятко мое, нет... Буду ждать. Э-хе-хе! Нагляделась и ты на своем веку всего. Хватило и горя тебе, и почестей. Трактор первый сначала, а как же, по тебе прошел, а потом уже на поле подался... Все они... и трактора, и машины... много техники благодаря тебе, голуба, нашли наши Борки...

Слышишь, куры гвалт подняли? Проголодались. Не хозяин я стал... Кур только вот и держу подле себя. На кабанчика уже не хватает Макара. А так все в магазин да в магазин. И сахар там, и селедочку подвезут, и хлебушек — все, благодарить Бога, есть. Здоровья только нету. Да и так живу уже много... Очень много... Всех ровесников своих давно перегнал... Ну, так я пойду? Отпускаешь? Не скучай. Вот управлюсь, отдохну немножко, а тогда снова к тебе вернусь проведать. И тогда мы опять поговорим. И тогда нам с тобой веселее будет. Быстренько я. Ты жди меня, жди, дитятко...

Макар рассыпал по двору просо своей костлявой пригоршней, куры перегонки кинулись к зернам, клевали, аж хохолки ходили, а когда нахватились зернышек, поутихли, молча и с ленцой расхаживали вокруг хозяина.

— Хватит, хватит, — шептал старик, высыхая из ковшика остатки проса обратно в маленькое ведерко. — И завтра день будет...

За околицей заревели машины. Макар насторожился, повернулся лицом в сторону дороги. Он только слышал — не видел: далековато были еще те, а глаза отглядели, можно сказать, свое. Поставил ведерко на стол, он был придвинут к стене избы, миновал калитку, притворил ее, чтобы держались двора хохлатки. Гул нарастал... Теперь старик мог уже видеть, что едва ли не на него накатываются машины. Много их. “Целая артель, — подумал Макар. — Куда это их столько?” Впереди колонны крутился юркий председателевский “уазик”, он вдруг остановился рядом с Макаром, а из кабины вылез сам Жмайлик, не обращая внимания на Макара, давал знаки рукой машинам, чтобы ехали дальше, не притормаживали, глядя на него, а когда убедились, что все идет так, как и надо, подошел к старику, поздоровался.

— Неужели в колхоз пополнение? — поинтересовался Макар.

Жмайлик с хитринкой в глазах улыбнулся, потрогал пальцами свои жиденькие усики, сказал, словно печать поставил:

— Дорогу, дед, будем делать!

— Дорогу? — переспросил старик, повел головою. — Так она же будто и есть... Или под соседей будем подстраиваться, а, председатель?

— Ну! А чем мы хуже? — у Жмайлика светилось лицо, он радовался, по всему было видать, что свое председательство в Борках начинает не с какой-либо там мелочи, а берет повыше, с перспективой. — И сделаем! Хватит машины ломать! Дед... извини, не знаю, как тебя звать-величать?

Макар назвал.

— Будем знакомы. Жмайлик Степан Петрович.

— Что Степаном тебя звать, я уже знаю. Такое у нас быстро передается... Ага. Ну.

— Тогда хорошо. Ближе к делу. Спешу, а то заедут не туда, куда надо. А дело такое, Макар. У тебя не могут дорожники угол найти? Жить им где-то же надо. Ну, что молчишь?

— Так это... один я, председатель, в избе. Авгины нет уже. Кто ж приготавливает, накормит? Если только сам? Печь, правда, имеется...

— Накормим в столовке, Макар. Им крыша над головой нужна. Угол.

— Ну, коли так, то пусть идут.

— Спать есть где?

— Человека три приму, — тихо промолвил старик, а потом насторожился. — Только, председатель, подбери непьющих...

— За это не волнуйся. Вот и хорошо... Ты троих возьмешь, другой кто-то... Я пришлю их к тебе. Не отлучайся из дома. Как раз им тут удобно будет — дорога близко...

Жмайлик забрался в машину.

— Подожди-ка, председатель! — вскинул руку Макар. — Спросить хочу...
— Слушаю, дед, — высунул голову из кабины председатель. — Слушаю, слушаю...

Старик сначала замялся, затем подошел поближе, посмотрел печальными глазами на Жмайлика, не решаясь говорить.

— Нет времени, Макар! — крикнул председатель.

— Асфальт — хорошо это... Ага. Ну. Мы, борчане, также давно уже в лаптях не ходим. Правда. Ага. Ну. Ты, хоть и новый у нас человек, а на свои глаза видишь. Только боюсь я, что дорога вреда наделает...

— Вот как! — вскинул подбородок Жмайлик. — Что-то я тебя, извини, не понимаю?..

— Глянь на окна — через хату, считай, забиты досками крест-накрест. Некому в тех хатах жить. И оставшиеся, боюсь, уйдут в город.

— А дорога здесь при чем?

— Как же... Отчего не бежать по асфальту? Только беги...

Жмайлик рассмеялся, притворил дверку и, отъезжая, крикнул Макару:

— Поживем — увидим!

“Уазик” тронулся с места, выбрался на дорогу, а потом быстро помчался за колонной.

Парни у Макара жили веселые. Послушать их, так герои: где только не были и что не делали. Сергей, который пообещал старику, хоть Макар на его слова и рукой махнул, не придавал значения, выкопать прямо во дворе колодец, перед крыльцом, своим тем загребущим ковшом, чтобы не ходить ему далеко за водой; на язык был легкий и все разносил в пух и прах прежнего председателя:

— Его давно надо было б турнуть! За кого вы, дед, на собраниях руки поднимали? Хоть ты и не виноват... Ну! Что он у вас после себя оставил? Окна забитые? Так это я вижу. А еще? Даже дорогу не мог сделать! Лентяй! Нет, вы подумайте только: сам же чаще, чем другие, гонял по ней, а ленился. Так у него что, и в самом деле семья в городе так и жила?

Макар кивнул.

— Куда в районе смотрели? — Сергей весь был в движении, выдавливал сапогами тонкий скрип из половых досок. — Давно б ему по шапке угрели! Сони! Поздно глаза протерли... Соседи вон уборные в домах имеют! А теперь вот Жмайлика возьми. Зеленый, я здесь не возражаю, но пронырливый, холера! Дальновидный! Не успел стол обжечь в кабинете, а уже за дорогу взялся. Хозяин, одним словом!.. Такого б раньше, так у вас здесь детский сад надо было б строить. Он у вас здесь всех выпивох прижмет. Будь уверен. Нас тоже, для полной ясности сказано пусть будет, предупредил: “Парни, смотрите у меня: если во время работы который стопку ухватит — на себя жалуйтесь”. Во!..

Макар слушал Сергея внимательно, крутил головой — соглашался. Хоть и новый человек в деревне этот Сергей, а много знает, правду говорит.

— Значит, будет городская дорога? — поднимал глаза на экскаваторщика старик.

— Будет, дед! В этом году. Мы воду в ступе не толчем! Нам тоже кормить детей надо!

— Помолодеет, значит, она... Что ж, ей жить еще долго... Ей жить... — кивал белой, как иней, головой Макар.

Старик обычно провожал квартиранта до калитки, иногда потихоньку плелся следом за ним, молча наблюдал, как экскаватор засыпает канавы желтым песком, который возят, едва успевая, откуда-то издалека самосвалы, как бульдозер ровняет дорогу, слышал писклявый, будто птичий крик, скрежет железа о камни. Камни блестели на солнце оскобленными белыми пятнами, и казалось ему, что дорога сопротивляется людям, показывает зубы. “А все же жалко тебя, дитятко, — шептал Макар, — хоть и украшают тебя, наряжают в новую рубаху. Я к такой привык, какая ты есть. Только пусть уж будет и так, как хочет председатель... Как делают парни. Узнаешь меня, одетая в асфальт, а? Должна, должна узнать...”

Парни слов на ветер не бросили — вот она, дорога!

Блестит на солнце асфальт. Макар стоит на своем привычном месте, вглядывается вдаль. Старик узнает председательский “уазик”, мчит он по широкой полоске дороги, а на подъезде к Макару замедляет бег, слегка визжит тормозами, останавливается:

— Чья правда, Макар! Не убегают люди — назад возвращаются. Видишь, везу! И отчего не возвращаться, когда такую дорогу отгрохали!..

Председатель, не скрывая радости, едет дальше, а Макар стоит напротив дома на своей дороге. Ошибся он. Первый раз за многие годы. И был весьма счастлив, что ошибся...

Он стоял на дороге и тихо говорил:

— Ну, и как тебе живется теперь, дитятко, в новой одежде? Не давит она? Нет, говоришь. Вот и хорошо. Живи. Ага. Ну. Тебе долго на этом свете пребывать... Мне б только глянуть, кто будет ездить и ходить по тебе... Видать, не гляну... Спасибо Богу, и так прожил много... Еще с того века дышу... А ты будь... Все время будь... Пускай по тебе только хорошая, легкая нога ходит и наши машины ездят... Пойду... А ты — будь... Здоровья желаю тебе... счастья земного... На все века...

...Над Макаром и дорогой висит теплое, вечное солнце.